

Валерий Дымшиц

(Санкт-Петербург, Россия)

Научный сотрудник, Центр «Петербургская иудаика», Европейский университет
в Санкт-Петербурге

E-mail: vodym1959@gmail.com

ID ORCID: 0000-0002-1099-9917

«Небо, улетающее как птица!» (Образ Финляндии в прозе Осипа Мандельштама и Исаака Бабеля)

Аннотация: На материале прозы Осипа Мандельштама и Исаака Бабеля показано их восприятие Финляндии как своеобразного субститута библейской Земли Обетованной. Неожиданно называя просторное небо в качестве отличительной черты финского ландшафта, далее оба писателя продолжают последовательно изображать Финляндию как пустыню, а ее жителей – как ближневосточных номадов. При всем несходстве биографий и творческих методов Бабеля и Мандельштама, их взгляд на Финляндию очень похож. Вероятно, это отражает воззрения, характерные для петербургской еврейской интеллигенции, захваченной идеями национального романтизма и сионизма.

Ключевые слова: Бабель, Мандельштам, евреи, мемуарная проза, Финляндия

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.3

Среди «романтических» пространств, освоенных русской литературой, Финляндии принадлежит не такое значимое, как Кавказу, но вполне почетное место. Русской поэтической традиции привычно было видеть в Финляндии пустое, почти ненаселенное пространство суровой и дикой природы. Воображение поэтов поражали «горы» (то есть холмы), скалы, леса, озера и, в первую очередь, бурные водопады. Традиция, начатая державинским «Водопадом» («Алмазна сыплется гора»), была продолжена «Эдой» Баратынского («На них шумит сосновый лес; / С них бурно льются водопады»), «Карелией» Федора Глинки («В глуши гигантом ярым / Блеснул Кивач его очам...») и «Финляндией» Александра Бестужева («И в бездну их крутятся водопады, / Гремучие, как воющий набат»).

Литературный образ Финляндии как «страны скал, озер и водопадов» был настолько силен, что продолжал действовать и в XX в., когда романтические декорации обветшали. А.И. Куприн в очерке «Немножко Финляндии»,

написанном в 1908 г., всерьез рассуждает о достижениях финского образа жизни, о высоком качестве финского спорта и образования. Но писатель не может удержаться от речевого штампа, который сильнее личного интереса и реалистической манеры. Куприн пишет о том, что финны сформировались «среди жестокого климата, на скудной земле, усеянной огромными камнями, под рев водопадов». В том же 1908 г. юный Осип Мандельштам пишет одно из своих первых, еще очень слабых стихотворений «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала». Это стихотворение не просто подражательно с точки зрения поэтической формы. Выбор «водяных» (и водянистых) образов опять отсылает к «общему» способу говорения о Финляндии. Через год, в 1909 г., Иннокентий Анненский создает свой «антиромантический» шедевр «То было на Валлен-Коски». Стихотворение опять посвящено водопаду, на этот раз Иматре. Ирония стихов Саши Черного движется несовпадением романтических чувств «простака» с неромантической действительностью. В один год с Анненским Саша Черный в стихотворении «Из Финляндии» пишет: «Был на Иматре. – Так надо. / Видел глупый водопад. / Постоял у водопада / И, озлясь, пошел назад». У сатирика уже нет сил глядеть на водопад, окончательно ставший романтическим штампом, но ничего другого он в Финляндии увидеть не может – «так надо».

На этом фоне совершенно иначе выглядит восприятие Финляндии русскими писателями еврейского происхождения. Для них Финляндия тоже «дикая страна», но они замечают в ней нечто иное: не водопады и озера, а в первую очередь пустые и пустынные небеса. В восприятии Финляндии русскими евреями отчетливо видны следы иной национальной мифологии, проступающей через романтические штампы. То, что речь идет о некотором внеличностном групповом стереотипе, хорошо видно на примерах из прозы двух таких несходных друг с другом авторов, как Исаак Бабель и Осип Мандельштам. Они оба, говоря о Финляндии, с одной стороны, не используют устойчивых в русской литературе образов этой страны, а с другой, акцентируют внимание своих читателей на изображении финского неба – ничем в других описаниях не примечательной детали пейзажа.

И Бабель, и Мандельштам любили Финляндию. «О Гельсингфорс, любовь моего сердца! <...> О Гельсингфорс, пристанище моей мечты», [Бабель 2005а, 263–265] – пишет о столице Финляндии Исаак Бабель. Ему с добродушной иронией вторит Осип Мандельштам: «Я любил страну, где все женщины – безукоризненные прачки, а извозчики похожи на сенаторов» [Мандельштам 1990, 17]. Вслед за Бабелем и Мандельштамом признаться в своей любви к столице Финляндии и к самой Финляндии могли бы многие русские евреи.

В конце XIX – начале XX вв. Финляндия стала привычной зоной рекреации для петербургской интеллигенции. Отдых в Финляндии в начале XX в. был одновременно эстетическим (мода на все северное, скандинавское) и политическим жестом. В Великом княжестве Финляндском, пользовавшемся значительной автономией, давление российской власти ощущалось сла-

бее. Кроме того, Финляндия воспринималась как «внутренняя Европа». Соответственно, петербургская интеллигенция (прежде всего успешные профессионалы – адвокаты, врачи, инженеры, художники, журналисты, писатели), настроенная преимущественно западнически, либерально и оппозиционно, предпочитала отдыхать в Финляндии¹. Как писал Мандельштам: «Я всегда чувствовал особенное значение Финляндии для петербуржца» [Мандельштам 1990, 17].

Среди этих успешных «новых профессионалов» было немало евреев. Кроме того, для многих петербургских евреев «ближняя Финляндия» была не только излюбленным курортом, но и местом постоянного проживания, так как, находясь там, можно было избежать проблем с правом жительства. Финляндия не входила в черту еврейской оседлости, но финская полиция сквозь пальцы смотрела на нарушения российского законодательства. По той же самой причине в Финляндии проводились съезды и конференции оппозиционных и революционных партий, как общероссийских, так и еврейских.

На финляндской даче Семен Дубнов писал «Всеобщую историю евреев», а его дочь София Дубнова-Эрлих – стихи. Семен Ан-ский жил и работал в Териоках (теперь Зеленогорск). В Финляндии неоднократно бывал по личным и по партийным делам Владимир Жаботинский. Именно на сионистской конференции в Гельсингфорсе в 1906 г. он произнес свою известную речь, которая сразу вывела его в лидеры русских сионистов.

Тема «Русские евреи в Финляндии»², или, точнее, «Восприятие Финляндии русскими евреями» могла бы стать предметом обширного исследования³.

Петербуржец Мандельштам биографически связан с Финляндией прочнее, чем Бабель, который посетил эту страну только однажды, в самом на-

¹ Это отношение дореволюционной столичной интеллигенции к Финляндии напоминает любовь московской и ленинградской, в том числе еврейской, интеллигенции к Прибалтике в поздние советские годы.

² Краткий обзор истории русских евреев в Финляндии содержится в двух выпусках сборников, посвященных истории русско-еврейской диаспоры [Пархомовский 2008, 29–39; Пархомовский 2012, 238–241]. Следует заметить, что большинство русских евреев, поселившихся в Финляндии, были демобилизованными солдатами-«николаевцами». Они селились преимущественно в городах, расположенных поблизости от мест прохождения службы, в основном в Гельсингфорсе (Хельсинки) и Або (Турку). Петербургские евреи, евреи-«дачники», использовавшие Финляндию в качестве зоны рекреации или даже постоянного места жительства, предпочитали Карельский перешеек и Старую Финляндию (регион в Финляндии, расположенный недалеко от современной российско-финской границы). История этих «дачников» до сих пор не написана.

³ Финляндия была нечастым, но заметным топомосом в еврейской литературе на многих ее языках, начиная от идиша (роман Шолома Аша «Мэри» [Аш 1912]) до собственно финского (роман Даниэля Каца «Как мой прадедушка прибежал на лыжах в Финляндию» [Кац 2006]).

чале 1917 г. Тем не менее, Бабель продолжал вспоминать о Финляндии и через несколько лет после своего единственного визита, например, в «Записях и набросках для «Конармии»».

Набросок «Житомирский нарком»: «Я видел в Финляндии, настоящие пролетарии, здесь – евреи, вылезшие из гробов» [Бабель 2005б, 363]. Возможно, это фрагмент предполагаемой прямой речи персонажа.

Набросок «Чехи»: «Русский чиновник в Финляндии. <...> И я вспомнил Финляндию...» [Бабель 2005б, 364]. Видимо, здесь Бабель сравнивает зажиточные и аккуратные чешские колонии на Волыни с Финляндией.

Непосредственно Финляндии Бабель посвятил два произведения: очерк «Финны» (1918) [Бабель 2005а, 313–316] и рассказ «Линия и цвет» (1923) [Там же, 263–266] – оба очень значимые для понимания творчества Бабея в целом.

Очерк «Финны» о Гражданской войне в Финляндии был опубликован наряду с восемнадцатью другими очерками Бабея в газете Горького «Новая жизнь». Тема очерка: финские красногвардейцы собираются вторгнуться в Финляндию, из которой они были изгнаны финскими «белыми» при содействии немецкого экспедиционного корпуса. Действие очерка происходит в мае 1918 г., на заключительном этапе трехмесячной гражданской войны, проигранной «красными».

В «Финнах» уже угадываются стиль и темы знаменитой «Конармии», написанной пятью-шестью годами позже. Именно в этом очерке впервые появляются те приемы описания солдатской массы, которые потом составят основу «Конармии» – элементы сказа, лаконизм, лакуны в изложении, быстрая смена планов. Противостояние «интеллигента» и «народа» является одним из центральных конфликтов «Конармии». «Интеллигент» не может вступить в диалог с «народом», потому что не может найти с ним общего языка. В очерке «Финны» это отсутствие языка коммуникации показано буквально. Рассказчик узнает, о чем говорят между собой финны, через переводчика, который в какой-то момент отказывается ему переводить – и всякий контакт обрывается. Сближает с «Конармией» очерк «Финны» и его трагизм: финские красногвардейцы собираются вступить в бой, не зная о том, что они так же, как конармейцы, наступающие на Львов, обречены на неминуемое поражение.

Рассказ «Линия и цвет» был опубликован в журнале «Красная новь» в 1923 г. одновременно с первыми рассказами из «Конармии». Этот рассказ, очень похожий на эстетический манифест, принадлежит к тем немногочисленным произведениям Бабея (другой пример – рассказ «Мой первый гонорар» [Бабель 2005а, 213–224]), в которых писатель излагает свое понимание природы художественного творчества.

Сюжет рассказа «Линия и цвет» таков. Нарратор встречается в декабре 1916 г. в санатории «Оллила» под Хельсинки Александра Федоровича Керенского. Выясняется, что Керенский близорук. Нарратор советует

Керенскому приобрести очки, настаивая на том, что их отсутствие не позволяет его собеседнику наслаждаться красотами финской природы и женской красотой⁴. Керенский отказывается, говоря, что для него цвет важнее линии («Зачем мне линии, когда у меня есть цвета?» [Там же, 265]). Его эстетические предпочтения явно не на стороне сухой графики (то есть вещественной реальности), а на стороне пастозной живописи (то есть фантазий). Физическая близорукость оборачивается политической близорукостью и политической гибелью Керенского, мечтателя, неспособного видеть истинные пропорции вещей⁵. Рассказ кончается выступлением Керенского на митинге после Февральской революции.

Митинг был назначен в Народном доме. Александр Федорович произнес речь о России – матери и жене. Толпа удушала его овчинами своих страстей. Что увидел в ошетилившихся овчинах он – единственный зритель без бинокля⁶? Не знаю.

Но вслед за ним на трибуну взшел Троцкий, скривил губы и сказал голосом, не оставлявшим никакой надежды:

– Товарищи и братья... [Бабель 2005а, 266]

Керенский не видит народные массы, что для Бабеля означает – не понимает их, и его закономерно сменяет Троцкий. Необходимый элемент образа Троцкого – пенсне. Он так же, как автор рассказа, являет собой «еврея в очках»⁷. Троцкий – политик-победитель – все видит четко.

⁴ Кажется, что в рассказе «Линия и цвет» нарратор с неожиданной горячностью безуспешно пытается спасти Керенского – и вместе с ним демократию в России – с помощью... очков: «Купите очки, Александр Федорович, заклинаю вас...» [Бабель 2005а, 265].

⁵ Близорукость Керенского (физическая и политическая), видимо, была общим местом. Ср. рассказ Бабеля с издевкой Маяковского: «Ленин? / Большевики? / Арестуйте и выловите! / Что? / Не дают? / Не слышу без очков» («Хорошо», 1927) [Маяковский 1941, 378].

⁶ «Весь мир для меня – гигантский театр, в котором я единственный зритель без бинокля», – так говорит сам о себе Керенский в первой половине рассказа [Бабель 2005а, 265].

⁷ «Очки на носу» – не просто часть портрета Бабеля, это важнейшая, чуть ли не единственная визуальная характеристика alter ego автора, нарратора в «Конармии» и в «Одесских рассказах». Это первое, что вспоминается о нем. Например, «Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень» («Как это делалось в Одессе») [Бабель 2005а, 69] или «Ты из киндербальзамов, – закричал он, смеясь, – и очки на носу. <...> Тут режут за очки» («Мой первый гусь») [Бабель 2005б, 75]. Очки – знак еврейской и интеллигентской слабости и одновременно силы и власти, которые даны способностью видеть четче, чем другие, для того ли, чтобы описать действительность, для того ли, чтобы ею управлять. Очки – атрибут еврея, командующего мужицкой пехотой, чьим архетипическим прообразом выступает командующий вооруженными силами Республики тов. Троцкий. «Впереди фронта [пехоты]

Михаил Эдельштейн высказывает правдоподобную гипотезу о том, что рассказ «Линия и цвет» написан тогда, когда Владимир Нарбут (по свидетельству Н.Я. Мандельштам) мечтал о возрождении группы акмеистов. Во главе «неоакмеистов» он видел своего старого друга Осипа Мандельштама, а среди участников – Исаака Бабеля, своего бывшего подчиненного в одесском отделении РОСТА⁸. Эдельштейн предполагает, что рассказ «Линия и цвет» представляет собой замаскированный манифест несостоявшегося неоакмеизма. Противопоставление вещественности акмеистической «линии» символистским «туманностям» персонифицировано Троцким и Керенским. Это противопоставление восходит, по мнению Эдельштейна, к программной статье Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» [Эдельштейн 2016, 335].

Возможно, что несостоявшееся литературное сближение Мандельштама и Бабеля отразилось именно в «финляндском» рассказе последнего. Это ли не повод обсудить их «финляндские» сюжеты в пределах одной статьи?

Очерк «Финны» и рассказ «Линия и цвет» помимо места действия сближает еще одно обстоятельство. Очерк «Финны», как и другие бабелевские очерки в «Новой жизни», был напечатан под рубрикой «Дневник»; журнальная публикация рассказа «Линия и цвет» вышла с подзаголовком «Истинное происшествие». Однако и в том, и в другом случае перед нами художественные тексты, замаскированные под свидетельство очевидца⁹.

Неправдоподобие многих деталей в рассказе «Линия и цвет» подробно проанализировано в упомянутой выше статье Михаила Эдельштейна

расхаживал сутулый **юноша в очках**. <...> Этот мужицкий атаман, ими выбранный и любимый, был еврей, **подслеповатый** еврейский юноша, с чахлым и сосредоточенным лицом талмудиста. В бою он выказывал **осмотрительное** мужество и хладнокровие, которое походило на рассеянность мечтателя» («Афонька Бида») [Бабель 2005б, 132] (все выделения сделаны мной. – В.Д.).

⁸ Именно Нарбут как руководитель одесского отделения РОСТА командировал в 1920 г. Бабеля в Первую конную армию.

⁹ Аналогичным образом первая публикация открывающего «Конармию» рассказа «Переход через Збруч» состоялась под рубрикой «Из дневника» (Правда, 1924, № 175, 3 августа). В этом рассказе описано, как Красная армия форсирует реку Збруч и переходит польскую границу около города Новоград-Волынский [Бабель 2005б, 43]. Однако Новоград-Волынский стоит на берегу реки Случь. Река Збруч протекает гораздо южнее, хотя тоже вдоль советско-польской границы, какой она была до 1939 г. Сознательная путаница с гидронимами втайне указывает на художественный характер рассказа, замаскированного под очерк. (О подменах такого рода в прозе Бабеля см. в [Дымшиц 2005].) Похожим образом писатель поступает и в рассказе «Линия и цвет», называя местом его действия санаторий «Оллила». На самом деле санаторий, в котором отдыхал Керенский, назывался совсем по-другому [Эдельштейн 2016, 325]. Оллила (современное название Солнечное) – это первая железнодорожная станция на территории Великого княжества Финляндского после пограничного Белоострова. Таким образом, Бабель дает читателю что-то узнаваемо «финское», но не совпадающее с реальностью.

[Эдельштейн 2016]. Автор статьи пишет о том, что Керенский действительно отдыхал в санатории под Гельсингфорсом между 16 декабря 1916 г. и 4 января 1917 г. Бабель в это время также находился в Финляндии, но встречался ли он с будущим главой Временного правительства – неизвестно. Финальный эпизод рассказа, по мнению Эдельштейна, полностью вымышлен. Выступлений Керенского и Троцкого на одном и том же митинге не было никогда.

О Бабеле часто пишут как о вуайеристе. В его творчестве важнее всего зрение, четко увиденная и укрупненная зрением деталь. Рассказ «Линия и цвет» – это апология зрения.

Что же видит в Финляндии нарратор, и чего не хочет видеть его собеседник Керенский? В списке визуальных впечатлений первое место принадлежит зимней природе, перечисление красот которой завершает описание финского неба.

Зернистый блеск роится в снегах. Он начинается мертвенной линией, прильнувшей к дереву и на поверхности волнистой, как линия Леонардо, увенчан отражением пылающих облаков [Бабель 2005а, 265].

Керенский не желает («Зачем мне облака на этом чухонском небе?» [Бабель 2005а, 265]) и не способен разглядеть видимые нарратору «улетающее» финское небо и «пылающие облака» – предвестники революционной бури.

«Финское небо» представлено также в прозе Мандельштама. В автобиографической книге «Шум времени», в которой Финляндии вообще уделено много места, изображение неба появляется несколько раз. Например, Мандельштам пишет о том, что в Финляндию «ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив по самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшине ледяная» [Мандельштам 1990, 17].

В «Шуме времени» темы «еврейства» и Финляндии занимают примерно одинаковый объем и тесно сцеплены в композиции книги. Вслед за главой «Финляндия» следует глава «Хаос иудейский». В главе «Финляндия» репрезентантом ближней, «своей» Финляндии выступает Выборг, в котором живет гостеприимное еврейское семейство купцов Шариковых [Мандельштам 1990, 18]. Смысловым центром всей книги является Петербург как город русской, то есть «высокой», культуры, а Финляндия и «Иудея» представляют собой значимые для автора «периферии», точки притяжения и отталкивания соответственно.

Наконец полное слияние «финского» и «еврейского», двух со- и противопоставленных локусов, достигается в главе «Семья Синани». В ней речь идет о семье известного петербургского психиатра Бориса Наумовича Синани (1851–1920), чей рано умерший сын Борис Синани-младший (1889–1910) был ближайшим другом юного Мандельштама. Семья Синани

была тесно связана со столпами народничества и верхушкой эсеровской партии. Именно через Бориса Синани-младшего Мандельштам приобщился к романтике эсеровского подполья. Рассказывая о Борисе Синани, Мандельштам пишет об их совместных поездках на дачу в Райволу (в настоящее время – поселок Рошино в Выборгском районе Ленинградской области), где они «играли в городки, и, лежа на финских покосах, он <Борис> любил глядеть на простые небеса холодно удивленными глазами князя Андрея» [Мандельштам 1990, 40]. «Простые небеса» над финскими покосами ассоциировались у романтических юношей с толстовским «небом Аустерлица», с ранней славой и ранней гибелью¹⁰.

Еще один персонаж главы «Семья Синани», друг Бориса Синани-старшего, писатель Семен Акимович Ан-ский – видный эсер и вместе с тем основатель еврейской фольклористики и этнографии. В «Шуме времени» дан выразительный портрет этого замечательного человека [Мандельштам 1990, 38–39]. Обаяние Ан-ского примиряет Мандельштама с неудобным и опасным «хаосом иудейским».

Не была ли описанная Мандельштамом эсеровская дача в Райволе, место тайных сходов террористов [Мандельштам 1990, 40], той самой, на которой в 1911 г. жил Ан-ский, когда организовывал приезд И.-Л. Переца в Петербург?¹¹

Синани – представители экзотической ветви еврейского народа, они – крымские караимы. Синани-младший умирает совсем молодым человеком: «Умирая, Борис бредил Финляндией, переездом в Райволу и какими-то веревками для упаковки клад» [Мандельштам 1990, 40].

Всякий иудей (и караимы – не исключение) мечтал быть похороненным в Иерусалиме, на Масличной горе, так как у ее подножия, в Иосафатовой долине, будет, по словам пророка, происходить Страшный суд (Иоиил 3:2). Согласно представлениям народного иудаизма, тот, кто похоронен рядом с этой долиной, избавлен после пришествия Мессии от мучительного «перекатывания» под землей к месту Воскресения и Суда. Характерно, что кладбище, расположенное рядом со «столицей» крымских караимов Чуфут-Кале, называется Иосафатова долина.

Синани дважды оторван от родины – метафизической (Иудея) и физической (Крым). Но его личная «Иосафатова долина», куда стремится душа на краю смерти, – это Финляндия с ее «простыми небесами». Таким обра-

¹⁰ Поселок Райвола делился на Русскую Райволу (под холмом) и Финскую Райволу (на холме). От Финской Райволы к Русской Райволе тянулись по склону холма просторные финские покосы.

¹¹ Именно в Райволу перед самым отъездом из Варшавы в Петербург Перец направил телеграмму, адресованную Ан-скому. Более того, Перец первоначально предполагал остановиться на этой даче (см. [Френкель 2011]). Можно предположить, что семья Синани отдыхала на той же даче (возможно, это был какой-то пансион), что и их близкий друг Ан-ский.

зом, Финляндия выступает субститутотом Земли Обетованной, а «финская» и «еврейская» тема оказываются тесно (буквально «веревками») связаны между собой в «Шуме времени».

Конечно, у Мандельштама и Бабеля в описаниях Финляндии присутствуют также привлекательные черты европейского комфорта, но они ассоциируются прежде всего с финскими шведами. Это шведские кофейни и гостиницы [Мандельштам 1990, 18] или санаторий [Бабель 2005а, 263–264]. Это «европейка нежная», шведская [Мандельштам 1990, 18] или норвежская [Бабель 2005а, 264] девушка. Но идею Финляндии в первую очередь выражают и у Бабеля, и у Мандельштама пустые и «простые» финские небеса. Финляндия предстает в этой прозе пустым, ненаселенным пространством с просторными, далеко распахнутыми небесами – то есть пустыней, не затронутой воздействием человека.

В еврейской литературе, прежде всего, в литературе на идише, сформировалось представление о том, что пребывающие в изгнании, стесненные физически и метафизически в черте оседлости, евреи «лишены природы». Об этом часто писал Шолом-Алейхем, выражая глубинные комплексы русских евреев. Вот как он описывает еврея, случайно оказавшегося за околицей родного местечка:

Давненько уже не бывал Шимен-Эле в поле, на вольном воздухе. Давно уже глаза его не видели такого зеленого леса. Уши его давно уже не слышали щебетания птиц и шума крыльев. Нос его давно уже не обонял вкусного запаха зеленой травы, сырой земли. Шимен-Эле провел всю свою жизнь в другом мире. Глаза его постоянно видели совсем иные картины: мрачный подвал да полное до краев помойное ведро. Нос Шимен-Эле привык к другим запахам: к запаху сырых стен, которые зимою мокнут, а летом плесневеют; к запаху кислого теста, лука и капусты, сырой глины, рыбы и потрохов; к запаху поношенного платья... И Шимен-Эле начал, по своему обыкновению, напевать молитвы, толкуя их на свой лад: «Сотворил Ты, Господи, Свой мир, по ту сторону города! И обрек ты нас на жизнь в Злодеевке, в тесноте и в духоте» («Заколдованный портной», перевод М. Шамбадала) [Шолом-Алейхем 1960, 12–13].

Идея «отсутствия природы» у местечковых евреев – не столько факт, сколько идеологема. Маленькие местечки с населением в четыре-пять тысяч человек не были отрезаны от окрестных полей и лесов. Более того, еврейские модернисты в начале XX в., в противовес поколению «отцов», не только заметили окрестную природу, но и сделали ее непременной частью мира своих героев. Например, Залман Шнеур, писатель следующего за Шолом-Алейхемом поколения, пишет о родном Шклове (Белоруссия) так:

Окружено местечко стеной соснового бора, кое-где пробитой распахнутыми зелеными воротами. Это лесные дороги, которые ведут в Полесье. Буднями по

ним ползут мужики с маленькими лошаденками, запряженными в большие возы с дровами и сеном, а по субботам там гуляют молодые евреи со своими невестами и рвут чернику («Шкловцы») [Шнеур 2012, 9].

Еврейская литература рубежа XIX–XX вв. изображала недоступные евреям природные ландшафты как принадлежащие иноверцам, потому что они освоили их в физическом и, что гораздо важнее, в культурном плане. Можно, несколько сгущая краски, сказать, что, с точки зрения еврейских писателей-реалистов, русская природа постольку стала достоянием русского народа, поскольку была описана русской литературой. На долю еврейского народа и еврейской литературы ничего не осталось. Шолом-Алейхем горько иронизирует:

Это «святое место» <еврейское кладбище> – их единственная кроха собственности на этом свете, которой они, маленькие люди <жители местечка>, – единственные безраздельные хозяева, это их единственная пядь земли, их единственный клочок поля, где зеленеет травка, растет деревцо, а воздух свеж, и дышится свободно... («В мире маленьких людей», перевод И. Гуревича) [Шолом-Алейхем 1960, 285]

Евреи живут в тесноте и скученности, и у них – кроме кладбища – нет никакого своего пространства, своего ландшафта, своей природы.

Между тем, для евреев Финляндия выглядит пустой, ничьей землей. Плотность населения и сельскохозяйственных угодий в этой стране невысока, язык ее населения непонятен, финская литература (в отличие от русской) неизвестна, то есть как бы не существует, а значит, не существует и присвоения ландшафта культурой. В символическом плане Финляндия предстает перед ними пространством свободы: свободы от репрессивных российских законов, от национальной дискриминации, от городской тесноты, наконец, она выглядит как территория «свободных» ландшафтов, не «освоенных» ничьей культурой. В еврейском сознании территория свободы – это пустыня, та пустыня, в которую библейские евреи ушли из египетского рабства. Первый же и главный признак пустыни – огромные, пустые, распахнутые от края до края, небеса.

И населена эта пустыня, по мнению Бабеля, непонятным восточным народом, непохожим – ни обликом, ни языком – на другие европейские народы. Вот как он описывает внешность финских красногвардейцев в очерке «Финны»:

Черные тела – без движения – вповалку лежали на земле. Мглистый свет бродил по татарским безволосым лицам. Ноги их были обуты в лосиные сапоги, плечи покрывал черный мех.

За поясом у каждого торчал кривой нож, тугие пальцы лежали на тусклых стволах старинных ружей.

Древние тюрки лежали передо мной – круглоголовые, бесстрастные, молчащие [Бабель 2005а, 313].

Дальше на протяжении очерка Бабель продолжает к «татарским безволосым лицам» добавлять другие детали, подчеркивающие азиатские черты в облике финнов (все выделения сделаны мной. – В. Д.):

«Вместо ответа они покачали лишь **бритыми** головами»; «<офицер > навел <револьвер> на потушенное **желтое скуластое лицо** юноши, стоявшего впереди. Тот скосил **узкие глаза**, отвернулся, сгорбился» [Бабель 2005а, 315].

Во имя целостности «ориентального» облика появляются старинные ружья и кривые ножи. Они заткнуты за пояс, как ятаганы, хотя известно, что финский нож – прямой и его носят на поясе в ножнах. В романтическом описании Бабея для укрепления «иудейского» образа Финляндии «красные финны» представлены как кочевники пустыни.

На мысль о пустыне наводит повторенный дважды, в самых значимых местах текста (в конце и начале) эпитет «пустынная» применительно к железнодорожной станции, на которой происходит действие. Этот эпитет двуслоен. Значение «безлюдная» вряд ли подходит, так как станция заполнена отрядом финских красногвардейцев. Остается значение «относящаяся к пустыне», сопряженное в первой фразе с непривычным для туманного Севера «прозрачным небом».

Последняя фраза очерка: «Все это я видел на пустынной финской станции месяц тому назад» [Бабель 2005а, 316]. И первая фраза: «Месяц назад, на пустынной финской станции – там, где небо прозрачно, а высокие сосны неподвижны – я увидел людей, призванных для последнего боя» [Бабель 2005а, 313].

Сочетание в одной фразе эпитета «пустынная» с описанием «людей, призванных для последнего боя» заставляет вспомнить о «Мертвецах пустыни». Речь идет об эпизоде библейского Исхода, когда против Божественной воли и без согласия Моисея часть евреев попыталась освободить Землю Обетованную (Числ 14:40, 44, 45). Эти люди были разгромлены врагами. Современный перевод с древнееврейского и Синодальный перевод этого фрагмента очень близки. Привожу последний:

40. И, встав рано поутру, пошли на вершину горы, говоря: вот, мы пойдем на то место, о котором сказал Господь, ибо мы согрешили. <...> 44. Но они дерзнули подняться на вершину горы; ковчег же завета Господня и Моисей не оставляли стана. 45. И сошли Амаликитяне и Хананеи, живущие на горе той, и разбили их, и гнали их до Хормы.

Согласно талмудической агаде, эти непокорные, обреченные герои были исполинами, чьи непогребенные тела до сих пор лежат в пустыне. Они называются «Мертвецами пустыни». Их видел упомянутый в Талмуде рабби Раба бар бар Хана, великий путешественник, напоминающий Синдбада-морехода (Вавилонский Талмуд, Бава Батра, 73–74). Этот сюжет стал основой для поэмы Хаима-Нахмана Бялика «Мертвецы пустыни» (1902), переведенной на русский Владимиром Жаботинским [Бялик 1995]. Содержание поэмы – описание «Мертвецов пустыни», которых поэт называет «Род последний для рабства и первый для радостной воли!» [Бялик 1995, 115]. Мертвецы пустыни – мятежные богоборцы, готовые снова и снова погибать, но сражаться за овладение своей землей. Трудно представить, что Бабель не читал сочинение двух своих земляков-одесситов, Бялика и Жаботинского, тем более что сборник, в который включена поэма, был очень популярен, и между 1911 и 1922 гг. переиздавался шесть раз.

Однако есть и прямое доказательство того, что Бабель ориентировался на поэму Бялика в переводе Жаботинского. Дело в том, что русскому переводу поэмы предпослан эпиграф – это приведенный выше фрагмент из Книги Чисел, но в переводе Жаботинского.

И встали рано поутру, и поднялись на вершину горы, и сказали: мы взойдем, мы взойдем на то место, о котором изрек Господь запрещение за то, что мы прегрешили. И дерзнули они подняться на вершину горы; а ковчег Завета Господня и Моисей не тронулись из среды стана. И сошли Амалекитянин и Ханаанеянин, обитавшие на той горе, и разбили их, и поразили их до истребления [Бялик 1995, 109].

Жаботинский предлагает свою интерпретацию библейского текста, усиливая как мотив Господнего запрета и непокорности этому запрету, так и мотив наказания. Топоним Хорма может быть переведен как «истребление», благо отсутствие в еврейской письменности заглавных букв делает обе интерпретации равноправными¹². Жаботинский использовал именно этот перевод – «истребление», – открывающий в свою очередь путь для талмудической агады. Бабель, следуя за переводом Жаботинского, пишет о том, что финских добровольцев ждет «последний бой», то есть «истребление».

Действие очерка «Финны» происходит на советской территории, недалеко от пограничного Белоострова («Бой будет завтра у Белоострова, у последнего моста!» [Бабель 2005а, 314])¹³. Красногвардейцы обсуждают, выступать им или не выступать в поход на Финляндию. Некоторые из финнов отказываются идти в бой на том основании, что советские отряды их не

¹² Благодарю А. Ольмана за необходимую консультацию.

¹³ Можно предположить, что описываемая станция – это Дибунь или Песочная, расположенные рядом с пограничным Белоостровом.

пропустят. «Бледный мальчик лет шестнадцати протянул офицеру газету, в которой напечатан был русский приказ о разоружении красных, переходящих границу» [Бабель 2005а, 314]. В начале Гражданской войны в Финляндии красногвардейцы из Петрограда направлялись на подмогу финским товарищам. Однако 30 марта 1918 г. Министерство иностранных дел Германии отправило большевикам ноту, в которой угрожало предпринять карательные меры, если советское правительство не выведет свои войска из Финляндии. Под давлением Германии В.И. Ленин 1 апреля 1918 г. запретил (ср.: «изрек Господь запрещение») официальную отставку солдат на помощь «красным финнам». Очевидно, в очерке речь идет именно о выполнении ленинского запрета. Другие красногвардейцы все же пойдут отвоевывать родину («У леса офицер раздавал патроны тем, кто пойдет» [Бабель 2005а, 316]), но непременно погибнут, их ждет «истребление». Об этом «пророчествует» случайный собеседник нарратора – «мужичонка в армяке»: «Никак им живыми не выйтить. <...> Прихлопнет их немец скоро...» [Там же].

Доминирующим цветом в изображении финских красногвардейцев в очерке Бабеля выступает черный: «черные тела», «черный мех». Именно так изображает Библия кочевников пустыни, бедуинов, называя их «кедарами» по имени предка-эпонима Кедара. Кедар (от древнееврейского «кедар» – смуглый, темный, что может означать как цвет кожи, так и цвет шатра) – второй сын Измаила, прародителя арабов. Кочевники-кедары (или в синодальном переводе «кидары») жили в пустыне, в черных шатрах из козьей шерсти («черна я <...>, как шатры Кидарские», Песн П 1:4), их основным занятием было скотоводство. В средневековых еврейских источниках слово «кедар» обозначало не только бедуинов, но вообще кочевников, в том числе тюрков. Так еврейский путешественник конца XII в. Петахия из Регенсбурга называет «кедарами» в своем написанном на иврите травелогe половцев, то есть тюрков, например: «Шесть дней шел до реки Днепра, а переправившись через реку, начал странствовать по земле кедаров» [Петахия 2004, 263]. Это именование тюрков «кедарами», то есть «черными», также могло быть известно Бабелю благодаря переводу сочинения Петахии на русский язык [Петахия 2004].

Таким образом, финны, названные тюрками, за счет акцентирования черного цвета в их облике, приобретают черты сходства не просто с жителями пустынь Востока, но с библейскими кочевниками-кедарами. И это уподобление также «работает» на изображение их родины, Финляндии, как библейской пустыни.

Ни биографии, ни творческий метод, ни круг литературных и личных интересов не позволяют сблизить Осипа Мандельштама и Исаака Бабеля. Тем интереснее, что образ Финляндии в их прозе оказывается во многом сходным. Они оба совпали в своем приятном отношении к этой стране,

изобразив ее как субститут Земли Обетованной. Такое совпадение позволяет думать, что, говоря о Финляндии, и Мандельштам, и Бабель выразили в художественных образах не только свою личную эмоцию, но прежде всего коллективное ощущение «северной соседки», которое испытывали многие петербургские евреи их круга и поколения.

Источники:

- Аш 1912 – *Аш Ш.* Мэри. Берлин: Изд. Ладыжникова, 1912.
 Бабель 2005а – *Бабель И.Э.* Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М., 2005.
 Бабель 2005б – *Бабель И.Э.* Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М., 2005.
 Бялик 1995 – *Бялик Х.-Н.* Песни и поэмы. СПб., 1995.
 Шнеур 2012 – *Шнеур З.* Шкловцы / Пер. В. Дымшица. М., 2012.
 Кац 2006 – *Кац Д.* Как мой прадедущка на лыжах прибежал в Финляндию. М., 2006.
 Мандельштам 1990 – *Мандельштам О.Э.* Соч. в 2 т. Т. 2. Проза. М., 1990.
 Маяковский 1941 – *Маяковский В.В.* Соч. в одном томе. М., 1941.
 Петахия 2004 – Кругосветное странствие раби Петахии Регенсбургского // Три еврейских путешественника. М.; Иерусалим, 2004. С. 263–318.
 Шолом-Алейхем 1960 – *Шолом-Алейхем.* Собр. соч. в 6 тт. Т. 4. М., 1960.

Литература

- Дымшиц 2005 – *Дымшиц В.* Русско-еврейский обманщик // Хроника еврейских сомнений. СПб., 2005. С. 65–80.
 Пархомовский 2008 – Евреи России в Зарубежье. Очерки истории / Под ред. М. Пархомовского. Иерусалим, 2008.
 Пархомовский 2012 – Русско-еврейская диаспора: Очерки истории / Под ред. М. Пархомовского. Иерусалим, 2012.
 Тучков 2013 – *Тучков А.И.* Гражданская война и интервенция на Мурмане (1918–1920) // Кольский Север. Энциклопедический лексикон; <http://lexicon.dobrohot.org/>.
 Френкель 2011 – *Френкель А.* Ицхок-Лейбуш Перец в Петербурге: два визита на фоне времени // Народ Книги в мире книг. 2011. № 90. С. 3–6.
 Эдельштейн 2016 – *Эдельштейн М.* Рассказ Исаака Бабеля «Линия и цвет»: опыт интерпретации и комментария // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. М., 2016. С. 323–337.

“The Sky, Flying Like a Bird!”: Finland in the Prose of Isaac Babel and Osip Mandelstam

Valery Dymshits (European University at St. Petersburg, Russia)
Researcher, Center “Petersburg Judaica”, European University at St. Petersburg
E-mail: vodym1959@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1099-9917

Abstract: The images of Finland in the prose of Isaac Babel and Osip Mandelstam are similar in many aspects. Both writers shared the view of this country as a kind of substitute for the Promised Land. Both authors used the image of the open sky over an empty space as a topos for the Finnish space they associated with the romantic picture of the biblical desert. Such “biblical” association influenced not only the description of Finland but also the portrayals of Finns in Isaac Babel’s and Osip Mandelstam’s prose. The article argues that their strong emotional attachment to Finland was typical for many Russian Jews of their social class and generation.

Keywords: Finland, Isaac Babel, Osip Mandelstam, Bible

DOI: 10.31168/2658-3364.2018.1.2.3

References

- Dymshits V. Russko-evreiskii obmanskchik // *Khronika evreiskikh somnenii*. St. Petersburg, 2005. P. 65–80.
- Edelshteyn M. Rasskaz Isaaka Babelia “Liniiia i tsvet”: opyt interpretatsii i kommentariia // *Isaak Babel' v istoricheskome i literaturnom kontekste: XXI vek*. Moscow, 2016. P. 323–337.
- Frenkel A. Itskhok-Leibush Perets v Peterburge: dva vizita na fone vremeni // *Narod Knigi v mire knig*. 2011. No. 90. P. 3–6.
- Parkhomovskiy M., ed. *Evrei Rossii v Zarubezh'e. Ocherki istorii*. Jerusalem, 2008.
- Parkhomovskiy M., ed. *Russko-evreiskaia diaspora: Ocherki istorii*. Jerusalem, 2012.
- Tuchkov A.I. *Grazhdanskaia voina i interventsii na Murmane (1918–1920)* // *Kolskii Sever. Entsiklopedicheskii leksikon*; <http://lexicon.dobrohot.org/>.